

31 0.1997998

АШЕНО

W

Местком писателей

Суд над порнографией в литературе

*Всероссийский Союз
крестьянских писателей*

Москва—1926 г.

17

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

ПОЛУЧЕНО
03/531
89/1

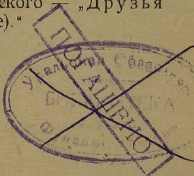
С У Д НАД ПОРНОГРАФИЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ

пр 48

(Дискуссия, устроенная месткомом писателей
17 ноября 1925 года в Доме Печати над
произведением А. Волжекого — „Друзья
по Волге).“

Проверено 1936 г.

Проверено 1935 г.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МОСКВА—1926 г.

р. 1940

Право издания настоящей брошюры предоставлено Местным Писателям - Всероссийскому Союзу Крестьянских Писателей

Главлит № 59.973.

Зак. № 1045

Тираж 5.000 экз.

Военная Типография Гл. Упр. РККА, Знаменка, 23.

Государственная публичная
библиотека
им. В. Г. Белинского

ОТ МЕСТКОМА ПИСАТЕЛЕЙ.

Мы понимаем, что производственные совещания, это - нечто новое, это гигантский инструмент в руках профсоюза и партии, через который можно проводить действительно массовую хозяйственно-воспитательную работу, это канал, по которому будет происходить втягивание и выдвижение новых слоев рабочих.

М. П. Томский.

(Из доклада на XIV съезде ВКП (б)).

Сейчас перед партией и профсоюзами поставлена боевая задача вовлекать в производительную работу рабочих всех видов производства; в нашей среде писателей это должно найти живое отражение на ряду с работой всех профсоюзов.

Чем вызывается производственно-воспитательная работа у нас среди писателей и почему она нужна? Вот тот невольный вопрос, который должен возникнуть у каждого товарища.

Зачем нужны производственные совещания среди писателей, на смену старой литературе с идеологией, далекой и чуждой пролетарской революции, идет новый массовик писатель из рабкоро-селькоровской среды и для того, чтобы он яснее понимал задачи нашего времени и не вступал на ложный путь литературного ханжества, мы должны через производственные совещания воспитывать в нем писателя

нашего времени. Отсутствующая сейчас договоренность писателя и издателя должна быть наконец изжита путем совместных обсуждений вопросов, связанных с творчеством и жизнью писателя.

Задания писателям должны даваться не сотнями издательских хозяйств, а единым хозяином. На работу писателя—советского писателя—нужно взглянуть не как на забаву, а как на серьезное производство. Писатель советский—не торговец, а рабочий.

Судя по данным 1925 года (см. отчет Центральн.-Сов. секц работников печати) наши издатели занялись изданием, главным образом, иностранных авторов с одной стороны, и т. п. ходовой „литературы“ с другой, хотя бы эта литература и страдала порнографией в буквальном смысле этого слова.

Что вскрыл нам первый литсуд над порнографией?

Он показал воочию отсутствие единой идеологически-выдержанной издательской линии и еще более глубоко исковерканные уклоны среди писателей различных направлений.

Оказывается, что ни писатели, ни издатели не изучают и не руководствуются в полной мере резолюцией ЦКВКП (б) (см. „Правду“ № 147 от 1/VII—25 г.)

Местком писателей, как производственно-профессиональная организация, учел это и в настоящее время ставит вопрос о производственных совещаниях в порядок дня своей работы.

Необходимо договориться и писателям и издателям о единой линии, необходимо выяснить основательно причину появления на рынке массового писателя иностранца и, наконец, найти необходимые предпосылки для вовлечения нового писателя в массовую общественно-воспитательную работу на пролетарском идеологическом фронте.

Литсуд—это первая ласточка весны на нашем литературном фронте. Мы не сомневаемся, что теперь,

когда XIV с'езд ВКП(б) дал определенные указания и хозяйственникам и всем членам профсоюзов о важности производственных совещаний, наша первая организация писателей будет не последней в проведении директив XIV с'езда ВКП(б).

Правление Месткома Писателей:

Деев-Хомяковский Г. Д., Ляшко Н. Н.,
Новокшенов И. М., Либединский Ю. Н.,
Свирский А. И., Замойский П. И., Даль-
ний Кожевников П. Ф., Овалов (Шапо-
валов) Л. С., Пучков А. И., Филимонов
К. А., Гракова Е. Д., Ефремов Е. Е.,
Потапенко И. Н., Роги М. П., Вяткич
А. Т. и Нович.

ПЕРВЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ СУД НАД ПОРНО- ГРАФИЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ.

При переполненном зале писателями, представителями издательств и общественных организаций 17/XI—25 состоялся первый публичный суд над порнографией в литературе. Открывая заседание суда, председатель месткома писателей тов. Деев-Хомяковский Г. Д. сказал следующее:

Товарищи, каждая профессиональная организация в настоящее время следит не только за тем, что должен делать хозяин, отвечающий за работника по кодексу законов о труде, но наши профессиональные организации также занимаются вопросами производственного порядка. Поэтому все профсоюзы у нас являются производственными профсоюзами. И они следят не только за тем, чтобы хозяин по отношению к рабочему был добросовестен, но чтобы рабочий по отношению к своему предприятию также относился добросовестно.

Сегодня наше открытое заседание Месткома Писателей займется разбором конфликта, возникшего на почве, по мнению газеты „Правды“, недоброкачественного отношения одного из писателей, члена месткома, тов. Волжского к своему творчеству, с точки зрения общественного характера.

Местком Писателей, когда поступило заявление от тов. Волжского с заметкой из газеты „Правда“ о том, что его обвиняют общественно, как писателя, в недоброкачественности по отношению к продукции

его производства, решил разобрать это дело по существу заметки. Волжский обратился к нам с тем, чтобы его дело было разобрано на литературном суде. Местком Писателей обсудил этот вопрос, передал его на разрешение конфликтной комиссии, существующей при месткоме. Конфликтная комиссия в своем небольшом составе рассмотрела это дело и вынесла определенную резолюцию, которая поступила в распоряжение Месткома. Местком на пленуме рассмотрел резолюцию, но не решился вынести окончательного суждения по произведениям автора до обсуждения этого вопроса на общем собрании представителей литературы и общественных организаций. Настоящее собрание является судьей данного произведения и отношения редакции „Правды“ к произведению т. Волжского. Местком писателей считает желательным также заслушать мнения представителей общественных организаций о порнографии в литературе вообще.

Состав настоящего заседания месткома, превратившегося по существу дела в профессиональный суд, состоит из следующих товарищей: Деева - Хомяковского, Межеричера, Свирского, Овалова, Роги, Новокшенова, Дальнего, Соболевского, Хвощенко, Замойского, Шильдкрета и Львова - Марсианина. При секретарях в лице т. т. Новокшенова и Соболевского.

— Тов. Волжский, настоящий президиум просит Вас дать деловые ответы на вопросы, которые будут Вам задавать, как представители президиума, так и могут задавать вопросы присутствующие. В частности имеется у меня вопрос следующий:—Когда вы родились, где, когда начали учиться, что вы начали читать, каким образом вошли в литературные организации, как столкнулись с литературой и где начали писать?

Волжский — родился в 1889 году. Корреспонденцией занимался, конечно, раньше, а литературно-художественные произведения начал писать

с начала революции. Что меня толкнуло писать? — сочинения Гоголя, Чехова, Максима Горького. Читал всех классиков, но особенное впечатление и толчок получил от перечисленных произведений. В последнее время увлекался Серафимовичем и Демьяном Бедным.

Я уроженец Астраханской губ. Когда приходилось бороться с эксплуататорами, еще до Революции — о союзе Русского народа, мне пришлось написать первую корреспонденцию в Сталинградскую газету. Эта корреспонденция имела очень сильное влияние и, в конце-концов, над этим „союзом“ крестьяне начали смеяться. Он закрылся. Хотя газета из-за этого случая пострадала, но я почувствовал, как велика сила печатного слова и, что посредством его можно добиться улучшения своей жизни. Это побудило меня писать корреспонденции, а сочинения Максима Горького, Чехова и т. д. побудили заниматься литературно-художественным творчеством. Первые рассказы, которые я написал, не могли быть напечатаны, потому что они были антирелигиозного содержания. Я рос в семье очень религиозной. Этот вопрос очень меня интересовал. Особенный толчок и развитие мне дал покойный товарищ Неверов, своими ценными указаниями и, кроме того, литературные организации, которые есть в Москве. Все мои книги вышли в течение последних 3-х лет.

Т. Журевич. В какой социальной среде сложилось ваше сознание, где Вы выросли и что у Вас за профессия?

Во л ж с к и й. Я сын крестьянина. Отец был болен ревматизмом ног, ходил по святым местам и брал меня поводырем. После этого я сделался безбожником.

Среда моя — крестьянство, а потом я был пролетарий, работал на железной дороге в качестве конторщика, а в газете — в качестве рецензента и хроникера. Так и начал газетную работу до революции, а после революции и художественную.

Хвощенко. Скажите, к какой группировке принадлежите?

Волжский. С 1922 года — к Московской Ассоциации писателей вообще, а по роду своего творчества к союзу крестьянских писателей.

Хвощенко. Партийный?

Волжский. Беспартийный.

Шильдкрет. Каких авторов Вы читали в течение года и когда Вы писали вещь, которую судим теперь?

Волжский. Читал всю литературу, которая имеется, т.-е. попутчиков: Сейфулину, Пильняка и других.

Львов—Марсианин. Вы читали Сейфулину?

Волжский. Читал.

Львов—Марсианин. Какое придавали ей значение?

Волжский. Как художнику — большое.

Львов—Марсианин. Читали ли критику о Сейфулине?

Волжский. Читал — положительную большей частью.

Львов—Марсианин. Читали ли Пильняка?

Волжский. Читал.

Львов — Марсианин. Читали ли Всеволода Иванова?

Волжский. Читал.

Львов—Марсианин. Какое влияние он имел на Вас?

Волжский. Как художник, имел в смысле творчества, в смысле идеологии с ним определенно не согласен.

Хвощенко. Вы сказали, что состоите в союзе крестьянских писателей. Вы, конечно, приняли его платформу 24-го года?

Волжский. Конечно.

Хвощенко. Разделяете?

Волжский. Конечно.

Шильдкрет. Был ли в армии?

Волжский. Да, в старой армии, писарем.

Вопрос с мест. Читал ли тов. Волжский иностранную литературу и какую?

Волжский. Больших классиков не читал.

Вопрос с места. Какое образование?

Волжский. Сельская школа.

Межеричер. Знает ли тов. Волжский историю литературы?

Волжский. Да, знаю, немножко, самоучкой.

Горшков. Не находились ли под влиянием Арцыбашева или Вербицкой?

Волжский. Нет.

Дальний. Известно ли тов. Волжскому, что Госиздатом напечатана „Гаврилиада“ Пушкина?

Волжский. Известно. Читал.

Артем Веселый. Вот товарищи спрашивали тов. Волжского при каких условиях складывалось его образование. Он был поводырем, а потом между тем временем, когда он был поводырем и когда поступил на конторскую работу, ведь нужно было образование?

Волжский. Работал в редакции, а до этого дома

Артем Веселый. При каких условиях вы обучались?

Волжский. Не обучался нигде. Писать, читать умеешь и достаточно, какое образование на 20 рублей.

Деев-Хомяковский. Товарищ, Артем Веселый, задавайте вопросы, касающиеся только его литературной деятельности.

Вопрос с места. Обращали ли те учреждения, куда тов. Волжский давал свои произведения, внимание на те места, о которых говорит т. Мороз в статье „Пошляки в литературе“.

Волжский. Когда я сдавал в ГИЗ эту вещь, то я несколько сомневался и дал право выбросить те слова, на которые обратил внимание т. Мороз. Но их не выбросили, а потом уже и вышло разногласие.

Деев-Хомяковский. Вопросы исчерпаны. Прошу огласить обвинительный акт.

Т. Новокшенов. По поручению Конфликтной Комиссии при Месткоме Писателей я оглашаю следующее постановление по делу Волжского и Мороз:

Обвинительное заключение.

1925 года, ноября 15 дня я нижеподписавшийся, член Конфликтной Комиссии Месткома Писателей Новокшенов Иван Михайлович, рассматривая весь материал по конфликту, возникшему между тов. Волжским и редакцией „Правда“ в связи с обвинением тов. Волжского — автора повести „Друзья по Волге“ в пошлости и допущении в означенном произведении выражений, относимых к разряду порнографических — нашел:

1. Что обвинение тов. Волжского в пошлости, выдвинутое тов. Мороз в своей статье, опубликованной в газете „Правда“ является вполне основательным, исходя из следующих соображений:

а) допущение в литературных произведениях, рассчитанных на широкого массового читателя выражений, не употребляемых в литературе приносит серьезный вред, разлагая читательскую массу, особенно молодежь, на которую главным образом и рассчитана означенная выше повесть,

б) употребление порнографических выражений в художественных произведениях недопустимо в силу того, что уже в течение нескольких лет широкими рабоче-крестьянскими массами и их передовым авангардом Рос. Ком. Партии большевиков ведется самая усиленная борьба против означенных выражений не только в литературе, но и повседневной жизни, о чем тов. Волжскому не могло быть не известно и что в свою очередь убеждает в мысли, что т. Волжский, допуская порнографические выражения в своем произведении, делал это вполне сознательно,

в) тов. Волжскому, как общественному работнику также не могло быть неизвестно о многочисленных постановлениях партийных и общественных организаций об отношении к порнографии и брани и о недопустимости применения таковых где бы то ни было.

2. Утверждение тов. Волжского, что слова, употребленные им не являются порнографическими, не выдерживает никакой критики, так как означенные выражения уже давно, о чем тов. Волжскому небезызвестно, как литературными так и общественными кругами отнесены к разряду порнографических.

3. Ссылка тов. Волжского на то, что такие же выражения и даже более разнузданные имеются в произведениях Бабеля, Сейфуллиной, Артема Веселого, Пильняка, Герасимова и др., также не имеет под собой почвы, т. к. нужно определенно сказать, что не всякий пример заразителен, тем более такой, где идет речь о развращающем влиянии на читателя.

Исходя из всего вышеизложенного считаю, что тов. Волжский виновен в нижеследующем:

1. В сознательном допущении в своем литературном произведении „Друзья по Волге“ порнографических выражений и в развращающем влиянии на читателя.

Благодаря чему и решил предать его широкому общественному суду.

Отвеств Секретарь Комиссии И. Новокшенов. Львов-Марсианин. Тов. Волжский, вы слышали предъявленное обвинение?

Волжский. Слышал.

Львов-Марсианин. Имеете ли вы понятие о той порнографии, в которой вас обвиняют? Насколько сильно влияли на вас порнографические произведения более крупных писателей-художников, как на писателя?

Волжский. Я считаю, что пошлостей и порнографии в литературе не должно быть, они недопустимы. И считаю, что пошлости и порнографии в моем произведении нет. Я считаю, что те самые художники, которые допускали это и которые пользовались после этого, как напечатали свои произведения, хорошей критикой в той же самой „Правде“, то мое произведение в данном случае является весьма скромным, потому что, если попутчики большие художники, с которых мы брали пример в смысле техники, если их „Правда“ одобряла, то мое произведение, где я описываю старую казарму, чтобы создать яркий тип старого офицера казармы и произвести сильное впечатление на читателя, не является порнографическим, поэтому я и счел нужным употребить эти выражения.

Деев-Хомяковский. В виду того, что отсутствуют представители газеты „Правда“ мы должны сделать выдержку из этой газеты.

Соболевский. (Читает выдержку из газеты „Правда“ — заметку т. Мороз, заявление т. Волжского в местком и постановление по этому поводу):

I.

„Пошляки в литературе“ („Правда“ № 245 от 25 октября 1925 г.). Рабочий типограф подал заявление в МКК с просьбой расследовать: почему на складе ГИЗ лежат и портятся десятки тысяч брошюр, предназначенных для деревни. Расследование установило, что действительно на складе ГИЗ лежит большое количество брошюр, предназначенных для деревни, но задержанных выпуском в продажу в виду их порнографического, местами, содержания. Это заставляет нас поднять в печати общий вопрос о том, допустимо ли в нашей художественной литературе, безразлично какого напра-

вления, при описании быта, употреблять выражения являющиеся, выражаясь по-старому „нецензурными“. Нам хочется к этому вопросу подойти не с точки зрения литературного критика, а с точки зрения обычного читателя из рабочих, членов РКП. Приведем несколько примеров — выдержки, из такого рода литературы. Заранее просим нас извинить, если приводимые нами выдержки пахнут шарадами. Объясняется это тем, что автор настоящей статьи, да и газета наша, в отличие от авторов, выдержки из которых мы приводим, держатся иного мнения о том, что дозволено и недозволено печатать. Пример первый. Книжка „Друзья по Волге“, автор А. Волжский, издание ГИЗ 1924 г. серия „Изда-читальня“.

— „Я тебе вчера приказал вычистить мне сапоги, чтобы блестели как... (нецензурное слово) „Што литы (следует матершина) не видишь офицера“.

„Иди в роту, скажи фельдфебелю... пускай он отправит под командой отделенных и взводных желающих в...“ (следует нецензурное слово)“. Г. Мороз.

II.

„В Союз Крестьянских Писателей

А. Волжского.

Прошу вашей защиты от клеветнического оскорбления в печати.

В № 245 „Правды“ от 25/X напечатана статья некоего Г. Мороза „Пошляки литературы“, в которой указывается, что в моей повести „Друзья по Волге“ есть матерные слова.

Повесть эта напечатана в „Библиотечке революционных приключений“ в издании „Рабочей Москвы“ № 10 1925 г.

В этой повести вы можете найти эти „страшные„ матершинные слова на стр. 23, 24 и 31.

При этом слова эти говорит офицер царской армии на военной службе, избивая солдат.

Выражения эти смягчены мною до возможных пределов литературности и когда повесть была сдана в Госиздат, редакция приняла ее именно с этими словами несмотря на то, что я сам лично предлагал выбросить те слова, которые редакции не понравятся, хотя с этим и не был согласен.

Отрывки из этой повести именно с этими словами потом перепечатывались „Рабочей Москвой“, „Красным Воином“ и провинциальными газетами. Сам я читал повесть в деревнях, рабочим в клубах и красноармейцам и никого эти слова не коробили и не возмущали, так как были к месту и назвать их матершинными могут только разве пошлые мещане.

Прошу ответить через „Правду“ т. Морозу—как Союз Крестьянских писателей смотрит на эту, по его выражению, „пошлятину“, или назначить литературный суд над этой повестью.

Я думаю и уверен, что в Союзе найдется достаточно силы и умения ответить на этот выпад, как следует.

Вырезку при этом прилагаю.

Прошу вопрос этот обсудить на ближайшем заседании Совета и так или иначе реагировать на эту статью.

С приветом
А. Волжский.

25/X—25 года.

III.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 32 заседания президиума Центрального Совета ВСКП от 27/X—25 г.

С л у ш а л и:

5. Заявление т. Волжского о клеветническом оскорблении его в печати (см. „Правду“ № 245 от 23/X с. г., заметка т. Мороза „Пошляки в литературе“).

П о с т а н о в и л и:

5. Просить местком писателей назначить литсуд над рассказом т. А. Волжского „Друзья по Волге“ с приглашением литорганизаций и тов. Мороза (автора заметки) в качестве обвинителя.

Подлинный за надлежащими подписями.

Выписка верна: Делепроизводитель К а р е л и н.

Речь общественного обвинителя.

Львов-Марсианин. Художественность ткется из сочетаний, выражающих тот или иной образ, воспринятый нашим глазом и ухом с детства.

В городе есть слова для фиксации того или иного образа слова, которые зафиксированы нашим слухом.

В деревне имеются речи, имеются образы, переплетенные с обычаями, обрядами дореволюционного, невежественного крестьянства. То слово, которое не зафиксировано городским ухом, в деревне воспринимается с колыбели.

Та самая порнография, о которой так много говорили здесь, о которой говорили в партийной печати, порнография т. Волжского режет городское ухо.

Режет городское ухо не потому, что оно порнографично, не потому, что оно разлагает и влияет дурно на молодняк, а потому что городская речь отшлифована в известных культурных начинаниях, в известных городских условиях, отличных от деревенской жизни. Та самая порнография, о которой мы говорили, порнография т. Волжского до настоящих дней в отдаленных деревнях считается составной частью речи.

Но это не значит, чтобы мы поощряли наших молодых писателей ругаться той самой матерщиной, которая свойственна крестьянам. Это не значит, чтобы мы в художественном слове признали подобного рода порнографию художественными образами. Тем не менее я должен обратить особенное внимание на автора той самой порнографии, которую отметил рецензент Мороз. Автор является молодым писателем и не состоит в бритой гвардии больших современных писателей.

Рецензент „Правды“ тов. Мороз почему-то в особенности обратил свое внимание на ту „невиданную“ порнографию, которую проявил тов. Волжский, а не обратил внимания на более сильную порнографию. Тов. Мороз поймал блоху и старался представить за сверчка.

— Прыгает, мол, значит сверчок. Тем не менее давайте остановим наше внимание на крупных художественных произведениях, о которых в партийной и советской печати говорилось и говорится чрезвычайно много.

Я возьму, как образец Пильняка, возьму его крупнейшее произведение „Голый Год“. Что же мы там найдем?

Это произведение дает картину бани, брачной постели и т. д. Вот тут в художественных переплетениях смакуется та самая порнография, которая разлагает наш молодняк.

Та самая порнография, которая вызывает страсть, возбуждает похоть, которые разлагают молодняк в половом отношении. На эту сторону порнографически-художественного, задрапированного произведения представители нашей прессы мало обращают внимания, потому что писатель принадлежит к бритой старой гвардии.

Может быть слушатели и представители суда подумают, что Пильняк ошибся в одном произведении, в других он далеко не порнографичен, в других, он, как крупная величина морально воздействует на воспитание нашего комсомола, нашей смены.

Посмотрим другое произведение. Водит Пильняк англичанина по задворкам советской страны. Прежде всего Пильняк толкает англичанина на половой акт стоя, во-вторых вводит на какой-то задний двор и там одна грязь и гадость и, кроме загаженной Советской России ничего англичанин не видит.

Вот тут, товарищи, уже идеологическая порнография. Тут Пильняк не задумывается показывать Советскую Россию загаженной, никуда не годной, и в мелочах не видит то чрезвычайно великое, что создал наш Октябрь.

Он не видит ту великую творческую работу, которая происходит в обществе. Вот где, товарищи, лежит главное зло, которое повлияло на настоящего товарища, которого мы судим. Это маленький писатель, который только что выступил.

Писатель, который прислушивается к большим писателям из гвардии.

Может быть у слушателей создается впечатление, что только Пильняк и Никитин порнографичны и больше никого нет.

Что бы рассеять это впечатление, чтобы мы и вообще все общественные организации серьезно заговорили о порнографии я останавливаю ваше внимание еще на одном крупном писателе—Крептюкове и на его произведении „Попы и подполики“.

Вот вам выдержка:

„И вбили ей гвоздь между ног“.

Между прочим автор смакует этот акт так, что возбуждает похоть, возбуждает страсть и таким образом разлагает наш молодняк, разлагает литературу.

Далее, если вы заглянете в нашу литературу, то встретите и еще больше ярких порнографов.

Я останавливаю ваше внимание на Никитинском „Рвотном Форте“. Никитин уже из другой сферы. Онанизм у него смешивается со словесным онанизмом и т. д.

Ни для кого ни тайна, что в настоящий момент на каждом перекрестке мы встречаем имя Сейфуллиной. И если остановить наше внимание на ее произведениях, мы там тоже встретим на каждой строчке порнографию.

Почему рецензент „Правды“ ничего не говорил о Сейфуллиной, а только о Волжском.

Нив коем случае нельзя расхваливать в печати то, что идеологически развращает. Я останавливаю ваше внимание на крупном произведении Сейфуллиной „Виринея“.

Об этом произведении в каждом журнале, особенно в толстых, которыми руководят из бритой гвардии большие писатели, вы читаете лишь одни хвалебные дифирамбы.

Отмечали ее и представители „Правды“.

Посмотрим, что представляет собой „Виринея“. Это женщина из деревни. В прошлом она была проститутка. Что представляет собой Магар. Пока он безгранично верил в бога, он был не пьяница, не бабник, не убийца.

Магар теряет религию и, во втором разрезе он уже и пьяница, и бабник, и убийца.

Таким образом, по идеологическому выводу Сейфуллиной, у крестьянина в настоящий момент ни в коем случае нельзя брать религию, иначе крестьянин

превратится в сейфулинского дикаря. Вот, подобного рода факты, взятые мной из произведений больших писателей, говорят за то, что тов. Волжский менее виноват, чем большие писатели, которые на него повлияли.

Тем не менее это не дает нам права поощрять тов. Волжского, чтобы он и в будущем писал о пошлостях и тем более не дает права ни одному писателю воспроизводить в произведениях те страсти, быть может и образные, которые в настоящий момент порицаются всем общественным мнением.

Я знаю, защита будет приводить такие доводы, что тов. Волжский в своем сильном выражении хотел выразить все невежество, грубость, которые были в казармах.

Общественное мнение должно здесь раз навсегда осудить всех тех порнографов, которые в настоящий момент печатаются в Москве и других городах Советского Союза.

Только общественное мнение может положить предел той разыгравшейся порнографии которая родилась в моменты борьбы рабочего класса с буржуазией, только общественное мнение может сказать свое последнее слово, над теми извращениями, которые так отрицательно влияют на воспитание нашего молодняка.

Я полагаю, что суд в своем последнем слове не вынесет строгого, резкого обвинения в отношении тов. Волжского, но вынесет строгое общественное обвинение по отношению тех художников-порнографов, которые повлияли на тов. Волжского, которые влияют на целый рабочий класс и крестьянство, произведения которых распространяются через наши государственные органы и печатаются в наших государственных органах.

Деев-Хомяковский. Слово имеет старый революционер и писатель тов. Свирский.

Свирский.—Прежде чем судить т. Волжского, необходимо установить здесь, что такое порнография.

Я, к сожалению, не читал повести т. Волжского, но слышал в чем его обвиняют.

Его обвиняют в том, что такие то неприличные слова он употребил в своем произведении.

Разрешите мне указать очень приличные слова; но из этих приличных слов можно сделать какую угодно порнографию.

Возьмем такие слова: кровать, подушка, кровь. Из этих трех слов можно сделать такую порнографию, что не будешь знать, куда уйти.

И как раз наоборот. Те слова, которые были здесь прочитаны сейчас, моего уха не резали.

Я помню тот шум, который был вызван появлением „Власти тьмы“ — Толстого. Жене Толстого приходилось два раза ездить в Петербург, объясняться с цензорами.

Когда впервые русская публика услышала на сцене такие слова, как „шлюха“, „сортир“ и т. д., то многие дамы вышли из театра, это показалось им невозможным. И надо было десять лет не снимать со сцены этой гениальной пьесы, чтобы публика примирилась с такими словами.

В русской литературе порнографии почти нет. Она пришла к нам, как и все дурное и хорошее, из Франции. Вот страна, где действительно есть порнография. Как отличить порнографическое произведение от непорнографического. Большой классический художник написал обнаженную женщину.

Порнография это или нет?

В музеях висят эти картины и никому не придет в голову увидеть в этом порнографию, а вот если какой-либо мазилка напишет обнаженную женщину это будет уже порнография. То же самое, я думаю, и в литературе.

Порнография должна прежде всего иметь причины. Что, собственно, хочет сказать автор. Возьмем напри-

Мопассана. Гениальный писатель. Мещане же находят его порнографичным.

Я скажу, что в нем нет никакой порнографии, так как он прежде всего высокий художник, и кроме наслаждения ничего не дает, но есть такие писатели, которые хотят подражать ему, тогда они становятся просто похабниками.

Обнаженные женщины, которые висят у нас во всех музеях нас не оскорбляют. Но бывает часто, когда женщина одета, но вот тут, где-то есть какая-то обнаженная коленная чашечка.

Это и есть гадость, это и есть порнография.

Если автор хотел возбудить известное чувство — он порнограф. Если мы судим Волжского, то мы прежде всего должны подойти к нему с точки зрения: хотел ли он вызвать дурное ощущение у читателя или нет. Или хотел только обрисовать тип какого-нибудь большого стихийного хама, русского царского офицера и для этого он употребил эти слова.

Если это так, тогда конечно порнография никакой нет. Но если без всякой причины он просто взял и выругался для чего — не известно, тогда он — порнографист.

Я помню, как Куприн бился, когда написал свою „Яму“: очень ему хотелось употребить слово (я извиняюсь перед аудиторией, но употребить его надо) — (тов. Свирский произносит это слово).

Вы знаете, целый год Батюшков обивал пороги сильных мира и все-таки слово это не разрешили напечатать и только в революционные годы, в третьем издании это слово было напечатано. И оно оказалось ярким и красочным по отношению к тем заведениям, которые описывал Куприн.

Без этой краски невозможно написать яркую картину. Невозможно было выкинуть это слово.

Я не представляю себе писателя, если бы он выбросил сильные выражения, которые он употребляет. Если есть художественные причины, если автор имел

в виду не вызывать у вас какие-либо дурные ощущения, а обрисовать образ целиком, употребив все возможные краски для этого, то его надо похвалить за это. Но если у него не было этой цели, а он хотел только похулиганить употребляя такие словечки, которые употребляются в пивных, тогда это омерзение, этого нельзя допустить в русской литературе.

По моему мнению, даже из этой рецензии, которая была прочитана, видно что Волжский не имел желания оскорбить наше ухо. Он только имел в виду дать окончательный образ офицера „доброго, старого времени“.

Из „Поединка“ Куприна, мы знаем, что это были за офицеры. Какой это был бы офицер старой армии, если бы он не употреблял этих слов. Мы бы подумали, что это офицер Красной армии (аплодисменты). Вот собственно, что я хотел сказать.

Прежде чем обвинять тов. Волжского, надо раз навсегда установить, что такое порнография (аплодисменты).

Деев Хомяковский.— Слово имеет представитель Московского Бюро секции работников печати тов. Межеричер.

Межеричер.— Тов. Свирский выступал с целью определить, что такое порнография, но по-моему, он определил слишком интуитивно и в его определении мало звучала та социально-общественная мерка которую мы привыкли прикладывать к явлениям решительно всякого порядка.

Порнография бывает двух родов,—это употребление неприличного по общему понятию слова, в изобразительном или описательном смысле, или обходясь без таких слов, употребление безличного понятия или образа путем сопоставления.

В той же рецензии, в которой Мороз в „Правде“ обвиняет Волжского, он дальше приводит выдержку из другого автора, в которой нет ни одного неприличного слова:

Из книжки К. Павлова: „Синяя Ирма“. Издание „Прибой“ 1925 г.

Однако вся книжка написана вождленческим слогом. Интереснее всего, что автор посвятил ее работнице 1-й государственной швейной фабрики. Повидимому, он считает, что на его „округлых формах“ и на „томном потягивании“ нужно, мол, воспитывать наших работниц.

Писатель в художественных произведениях ставит себе задачей отразить жизнь, изобразить идею, но вместе с тем, он неизбежно, как художник или творец выражает свою писательскую, творческую индивидуальность, мы узнаем с кем имеем дело, каждый писатель индивидуален, он теснейшим образом зависит от социально-общественной среды. Вспомните таких первостепенных парнографов, как Арцыбашев, Анатолий Каменский, Вербицкая, Нагродская и т. д.

Чем было вызвано появление этих фигур на русском литературном горизонте? Их политическим и общественным декаденством.

Они появились в период разгрома революции. Увидя, что нельзя сразу дохнуть свежим воздухом, они вернулись в комнаты, где набились интеллигенты, которые в 1905 году воспевали победы, а потом, когда победы не оказалось, перебросились в другую сторону, и стали воспевать все, кроме революции, и в первую очередь—процессы личной жизни.

Что принято в культурном обществе называть конкретными процессами.—Физические и половые отправления... И они кинулись в эту сторону, т. к. нельзя было изобразить дух революционной ситуации, (на этом пришлось поставить крест), они кинулись копать в личной жизни.

Надо сказать, что обвинение Волжского никакого отношения не имеет к настоящей подлинной порнографии—а целиком относится к другому явлению. Почерпнул он эти выражения из крестьянского быта. Можно ли их выбросить. Можно. Употребление этих

слов в советской стране и литературе недопустимо и нужно, если мы говорим о большом мастерстве.

Тов. Свирский сказал, что было бы неправильно, давить на художника, но мы часто видим, что художник-мазилка хочет ярче описать и получается очень скверно.

Художники подлинные скорее работают на полутонах. Сумел же Толстой написать „Войну и Мир“, где обрисовал все общество начиная с императоров, и не мимоходом, а тщательной живописью и сумел обойтись даже без намеков на порнографию. Я хочу привести один пример в котором выражается протест против порнографических слов в литературе. (Многие из вас знают, как писать, принаравливаясь к редакции, и очень немногие знают потребности читателя), мне хотелось рассказать один случай, который произошел на одном московском предприятии, из чего можно сделать ценный вывод.

Дело было вечером, после звонка, на хрустальном заводе в Красной Пресне. Там около 300 рабочих, довольно крепкая партийная ячейка и значительная комсомольская. Группа собралась в читальне, сидят человек 8, тишина. Вдруг один из сидящих, беспартийный рабочий вскочил с места, стукнул кулаком по столу, сказал словечко, которое ни я, ни тов. Свирский не смогут повторить, и разорвал журнал, который держал в руках („Прожектор“).

К нему бросились:—Ты что... А он бьется, слова не может выговорить...

Тогда на него напустились.

— Ты что, журналы рвать, народное добро. Начался скандал.

Оказалось в „Прожекторе“ был напечатан рассказ, в котором выводился полковник. (Это как раз имеет отношение к настоящему случаю). Вот у этого полковника старой закваски ушла жена. Полковник выведен здесь, конечно, как отрицательный тип.

Полковник после ухода жены, садится к столу и употребляет выражение, которое употребил т. Свирский. Это слово возмутило молодого парня. Но, повторяю, после этого, непосредственно, он выразился гораздо хуже.

Сердце парня не выдержало, что такие выражения напечатаны в партийном журнале. И по моему он прав. Низовик понимает что матершина разлагает писателей.

Нельзя ее употреблять, как лишний мазок, чтобы оттенить и показать темноту и гадость белого офицера. Мы это и без этого хорошо знаем. Можно и без этого это сделать.

Нужно отказаться в нашей литературе от употребления этих слов. Это надо сказать по адресу тех товарищей, которые думают, что эти слова полезны, с точки зрения воспитательной. И надо повести войну против разлагающих тенет декорирования, похабных форм, против подлинной порнографии, которой многие из наших писателей заражены до сих пор.

Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Клевер.

Клевер. Я, товарищи, приезжий крестьянский писатель.

Здесь стараются показать, что тов. Волжский употребил в своем произведении порнографические выражения.

Я лично, скажу, так как знаю быт крестьянина и знаю нашего современного мужичка и сам за себя тоже могу определенно сказать, что я возмущен тем оскорблением, которое наносится тов. Волжскому.

Деев-Хомяковский. Слово имеет представитель МАПП тов. Овалов.

Овалов. Дело в том, что по моему, прежде всего неумело ставится вопрос. Путается порнография с фотографией. Это большая разница. Дело

в том, что я хочу привести два небольших примера, возьмем такое выражение, из той же заметки Мороза:

(Оратор цитирует из заметки т. Мороза стихи, начинающиеся словами: „Мальчик девочку любил)...

Берем у Волжского: „Я тебе приказал вычистить сапоги чтобы блестели след. неупотреб. слово. Порнография это? Нет. Редко употребительное выражение в литературе.

Дело в том, что это далеко не порнография, а попадает слово, которое редко встречается,—сильное выражение, которое может быть неумело вставлено. Когда мы воспринимаем сильное выражение, когда оно умело дано и в том месте, где надо, умело преподнесено читателю, там оно не режет слух.

Надо сказать, что тов. Волжский, неумело употребил это выражение. У тов. Волжского это прежде всего агитка. Тут надо поставить вопрос, где и когда можно употреблять такие выражения. Если допустимо у большого, крупного мастера, когда он дает картину, дает целое связанное место, то в агитке, где дается рассказ читателю, чтобы его развивать и толкать вперед такие выражения недопустимы.

Допустимы ли вообще сильные выражения в литературе?

Безусловно. У нас есть ряд примеров, хотя бы таких:

Приведу для примера произведение Безыменского, в котором он описывает рабочего, который впервые попадает на курорт к морю и в восторге восклицает:

— „Такая мать, воды то сколько“.

Мог он сказать по другому? Нет!

Естественно, что у рабочего могло вырваться такое восклицание. Оправдано оно? Да, оправдано.

По-моему, гораздо больше виноваты те редакционные аппараты, которые принимают такие произведения, неумело сделанные, неумело сработанные.

Может быть, это объясняется голодом на книжном рынке. Но, по-моему, гораздо большая вина лежит на тех редакционных аппаратах, которые не могут дать правильного указания автору.

Нужно поставить вопрос так: развращает ли произведение или нет, и вредно ли оно влияет на читателя.

Если мы говорим, что произведение, в котором нет ни одного нецензурного слова развращает читателя, то это произведение порнографично.

Произведение же, в котором употреблено неумело нецензурное слово, оскорбляет слух, но не вызывает никаких дурных ощущений, оно не порнографично, но неумело.

Деев-Хомяковский. Слово предоставляется крестьянке Писаревой.

Писарева. Прежде всего, замечу, что сказали бы об этой вещи тов. Волжского в деревне. Я встречала в своей практике такие случаи и знаю, как и деревня, в которой я живу и наш уезд смотрят на это. Подобные вещи действуют на детей. Известно, что у нас в деревне, мужчина, пьяный он или нет, всегда ругается, эти слова у нас обыденные, как „господи помилуй“.

Детишки тоже приучаются ругаться. Лучше старых ругаются. А особенно с тех пор, как вышли эти книжки, журналы.—удержу нет. Мать останавливает, а он говорит что, раз печатается, значит, разрешается. Надо сказать, что за последние годы революции наша деревня начала понимать и сознавать, что нужно развивать кругозор, нужно подумать о том, чтобы черпнуть науки. Но нужно сказать, что тот гнет, который существовал в царское время, сильно отразился на деревне. Это видно хотя бы из моей практики работы среди женщин. Иногда на собрании скажешь: товарищи, иногда гражданочки, а иногда просто „Эй, бабы, послушайте“. И что же вы думаете. Бабы обижаются и говорят: „Ты наша организаторша и назы-

ваешь нас бабами. В царское время были бабы и при советской власти бабы". Так, что справка о деревне разнится с теми заявлениями, которые были. Нужно сказать, что не только такие выражения, но и выражения, прикрытые художественной формой, ни в коем случае нельзя допускать—они действуют на чувства, если они прямо или скрыто выражаются, то это тоже разрушает деревню. Нам не нужно стремиться к деревенскому языку, а наоборот надо изжить этот язык. Возьмем пьесу. „Лекарь поневоле“. Там тоже есть несколько выражений. Мне пришлось там играть кормилицу и мы вычеркнули слова „Целую кончики ваших сосков“ Это девичий коллектив постановил. А наш избач, несмотря на то, что мы вычеркнули эти слова—произнес их. И все бабы и девушки вышли. И теперь говорят: „Кто ставит?—Комсомольцы! Зачем мы туда пойдем?“ Я за то, чтобы эти слова устранить. Я хочу сказать, что нашим руководящим органам нужно обратить внимание на то, чтобы эту порнографию прекратить, и не только в открытой, но и скрытой форме.

Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Артему Веселому.

Артем Веселый. Приходится пожалеть, что здесь нет хорошего боцмана. Здесь публика собралась интеллигентная и, конечно, не для нее писал тов. Волжский. Вы, интеллигенция, не читаете тов. Волжского, ведь для вас есть более культурные писатели, а тов. Волжский только растет. По-моему, прежде, чем высказываться по вопросу, я хочу сказать несколько слов тов. Волжскому,—Ваша вещь прекрасно рисует быт старой казармы. Понятно, кто не был в старой казарме, то ему это покажется чепухой. Старый писатель Сергей Городецкий написал прекрасную вещь, по которой разбросаны сгустки крови на страницах. Там вы видите публичные дома, там так это отвратительно подано, что в процессе художественного чтения не обращаешь внимания на слова, а ро-

ждается глубокое отвращение ко всему этому. Там дается картина пьянки — „престольного“ праздника. Ясно ведь не будешь же там писать французским языком. Это прекрасно понимали даже классики. Куда годились бы сцены из „Воскресенья“ Толстого, если бы там не было матерщины, так характерной для каторжных времен. Язык—это тот клей, из которого клеится вся вещь. Возьмите старое время. В старые времена, во времена Пушкина считалось неприличным произнести слова: навоз или конюшня, сейчас мы это переросли. Возьмите Салтыкова-Щедрина, там прекрасно уживается слово с жизнью. По моему, здесь коренной вопрос вот в чем. Мы, молодые писатели, идем из казарм, идем со своей правдой, которую вам, интеллигентам, никогда не понять. Вы пожалуй и будете понимать, да рыло будете воротить. (Аплодисменты). Я за творчеством т. Волжского следил на всем протяжении очень внимательно. Товарищи, что-нибудь да значит, когда его книги в Госиздате выдерживали 50,000 экз. в 2 — 3 месяца. Это значит, что связь у него с деревней есть. Меня особенно удивило выступление обвинителя. Я останавлиюсь на нескольких вопросах. Он говорит, что мы должны стремиться отойти от деревни и молодая крестьянка - писательница тоже говорила, что мы должны стремиться от нетесанного мужицкого языка к гореду, потому что в городе язык более обработан. Это чепуха. Все основные нити творчества, идут из самых недр народа, из крестьянства, Все, что было 60 лет тому назад, пришло из деревни. Возьмите даже классиков — не будем брать нас чумазых, потому что нам вы не поверите. Большинство из них, Пушкин, Гоголь—откуда черпали силу языка. Из самых недр русского народа. Мы, современные писатели, тоже. Откуда идет этот язык? Он идет из основного источника, мощный поток которого выносит его снизу. Потом, товарищ обвинитель говорил о похоти, о выражениях, которые возбу-

ждают страсть. Это совершенная чепуха. А прекрасные художественные произведения, пьесы, разве они не дают самые прекрасные понятия о любви, о том, что принято понимать под любовью. Возьмем буржуазных писателей Д'Аннунцио, Арцыбашева. У него есть такие слова, как у Волжского? Нет. А все-таки его творчество — похабщина. Вопрос о том, должны ли мы культивировать похабщину. Товарищи, когда она вытекает из художественной правды, то она уместна и правильна. Здесь говорилось о старом быте. Старый быт умирает — чепуха. Быт никогда не ломается революцией. Быт страшно косная вещь, о чем писал и Бухарин. Он перерождается только в результате целого ряда экономических изменений и т. д. И последнее я скажу об инстинктах, об недоговариваемых буквах б. . . с точками можно написать, а целого слова нельзя. Нам хотелось бы этот вопрос шире поставить. Волжский не виноват. Он писал по совести, а то что на него напали, откуда это идет? От желания захолостить русский язык. Чтобы он стал не жеребцом, а мерином. Проститутка терпима, а русское слово не терпимо. Поэтому мое последнее слово вот какое. Я считаю т. Волжского правым. Долой латинщину. Да здравствует русский язык.

Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Хвощенко.

Тов. Хвощенко. Товарищи и граждане, я выступаю обвинителем от Союза Крестьянских Писателей, членом которого состоит т. Волжский. Я не столько хочу его обвинить, сколько предупредить, предостеречь его от того скользкого пути, на который он стал. Мы сейчас с большим удовольствием выслушали простые слова крестьянки Писаревой. Что сказала тов. Писарева? Она подтвердила ту литературную платформу Союза Крестьянских Писателей, которая нами принята в 1924 г. Тов. Волжский грамотный человек и я с самого начала спросил его об этой платформе, знает ли он ее и принял ли. Он

ответил: да, читал, принял. А если это так, то разрешите сказать, что говорится в этой платформе: творчество крестьянского писателя не должно содержать в себе ничего мистического, ничего пошлого, а должно быть героическим, реальным, выражать правду жизни и красоту! Затем второе: „Быт и труд современной деревни должен отражаться в произведении таким образом, чтобы мысль читателя была направлена на борьбу с невежеством, темнотой, предрассудками, грубостью и т. д. Вот вам второй пункт, под которым тов. Волжский расписался. Что же он делает? Может ли он, идя в деревню с таким произведением, рассчитывать, что деревня будет его читать. Прав был тот товарищ, который говорил, что вряд ли будут читать такие произведения т. Волжского. И пусть порнографические произведения т. Волжского Госиздат не издает, а пусть, если они изданы, гниют на складе. Тов. Волжский считает свое произведение скромным, по сравнению с другими порнографическими произведениями, так он сам выразился. Но оправдание ли это? Если он не сказал похабное слово в квадрате, то это вовсе не оправдание. Тов. Волжскому надо признаться, что он перешел на скользкий путь, и поскольку мы—общественное мнение—судим т. Волжского, мы должны предупредить его, чтобы он не становился на этот скользкий путь подражателя буржуазным писателям. Относительно оправдания. Защитник, конечно, зацепится за это оправдание, оно очень веско и важно. Он говорит, я хотел заклеить старые условия, хотел усилить ненависть к тому старому проклятому строю. Это, товарищи, не оправдание. Девятый год наступил, как произошла наша великая Октябрьская революция и мы хорошо знаем, чем была в нашей проклятой памяти императорская Россия.

Нужно ли нам сейчас на девятом году революции вспоминать все то, что делалось в старой, царской казарме. (Голоса с мест: нужно). Можем ли мы те-

перь саглашаться с тем, что проклятые фельдфебеля прошлого давали деньги и посылали низших чинов в вертепы, предупреждая, чтобы там все было в порядке, т.-е., чтобы не были разбиты стекла и украдены драгоценности проституток, с тем, чтобы завтра командующий войсками не призвал ротного командира и не сделал ему за это выговора. Не нужно нам этого и пусть оно будет проклято.

Товарищи, то, что мы пережили, все то наше проклятое прошлое, нужно ли нам его вспоминать? Нет, мы задохнемся от этого позора, в котором мы жили 9 лет тому назад. Меня удивило выступление тов. Свирского. Действительно, как и выразился один товарищ, его выступление было сделано интуитивно. Он говорил, если автор не хотел оскорбить ухо читателя, а преподнес те словечки и фразы, которые он поймал внизу крестьянской жизни, или в той же казарме, то автор не виноват. Если он не хотел оскорбить!.. А где граница, где предел, где доказательства, что читатель не вынесет такого впечатления. Если вы мне докажете, что такую границу можно найти, что там есть такая граница, которая даст читателю возможность разобраться, если вы меня убедите в этом, то я откажусь от моего обвинения. Но я сомневаюсь, чтобы с мест выступили и убедили бы меня. Я повторяю кратко и говорю: тов. Волжского обвинять строго мы не можем, выносить ему тяжкого обвинения, что он нанес большой вред нашему низовому читателю, который не поднялся еще на тот культурный уровень, который позволил бы ему разобраться правильно или неправильно все вышеуказанные слова, мы также не можем.

Тов. Волжский, продолжайте вами избранный литературный путь, у вас есть талант, безусловно. Прочитав ваше произведение, всякий скажет, что у вас есть искра литературного таланта. Но не скользите по тому опасному пути, на который вас поставили

Пильняк, Сейфуллина и прочая литературная „братия“ последней эпохи.

Что мы сейчас видим? Мы видим, как бы усталость от той большой борьбы, которую мы теперь ведем. Может быть Сейфуллина, описывая в „Виринее“ все ужасы, делает это с благим намерением и говорит: „Посмотрите, 8 лет прошло, а что делается у нас в деревне“. Я хочу думать лучше, а не как приписывает обвинитель, который показывает: „Вот Сейфуллина, которая показала нам, где человек теряет веру“. Заканчивая свое обвинение, я говорю: тов. Волжский, идите оправданным от этого нашего общественного суда, но больше такими произведениями не грешите.

Т. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Гудкову.

Тов. Гудков. С обвинением тов. Волжского выступали крестьяне и полукрестьяне, и, кажется, рабочие, литераторы, при чем тов. Клевер сказал: „Я знаю крестьянский быт, у меня целый ряд слушателей крестьян, ругайтесь, как хотите, крестьянин все примет“. Крестьянка Писарева подошла к делу более реально. Артем Веселый возражал ей, но скажите, нужно ли крестьянину то, что он давно знает. Нужно ли крестьянину то, что он повторяет каждый день? Нет. Лучше написать, как излечиться от болезни.

Теперь о том, как тов. Волжский подошел к тому, что написал. У меня такое впечатление, что когда тов. Волжский договаривался с Госиздатом и разрешил вычеркнуть эти слова, то не держался за них. Так подходить — неправильно.

Пойдет или не пойдет то или иное слово Куприну нужно было ездить 3 года, а Волжскому все равно. Нам этого не нужно. Нам нужно, чтобы читатели поняли, что творец мечтал, иначе крестьянин не почувствует и бросит книжку.

Тов. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Дальнему.

Тов. Дальний. Здесь выступил тов. Свирский и сказал, что если, например, показать голую женщину целиком, то это может быть не порнография, но если показать голую коленку, то это порнография. А я думаю, товарищи, не совсем так. Я думаю, если мы покажем половой акт, что порнография это или нет? Думаю, что порнография. Так, товарищи, подходить нельзя. Какие чувства возбуждает, с какой целью пишет писатель. Конечно, художнику без этого обойтись совершенно нельзя. Но не надо злоупотреблять этим.

Тов. Веселый также не совсем прав. Он говорил, „что классики тоже черпали из недр народных масс, так и нужно, именно у рабочего и крестьянина много крепких слов“.

А что вам говорит крестьянка, тов. Писарева? Это голос крестьян не старых, а новых, революционных крестьян, которые отбрасывают старое, гнилое и уходят даже из собрания.

Поэтому я полагаю, что здесь определенно надо заявить, мы не идем к тому, чтобы ходить на четвереньках, мы идем вперед и надо изживать старое.

Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Шильдкрет.

Тов. Шильдкрет. Товарищи, я слышал здесь много слов и не понял многие из них. В первую очередь я не понял тов. Свирского, которого я всегда понимал и который мне очень дорог и как учитель и как литератор. Я сегодня его не понял и вот почему.

Если я хочу сказать, что я полюбил девушку, что я ее взял, то вовсе не нужно говорить таких слов, о которых говорил Свирский, пусть читатели сами увидят, что другого выхода у меня нет. А если же я поставлю все точки на „и“, то это не будет литературное произведение. Тов. Волжский поступил совсем, как младенец. Видите ли, где-то там, в ЦК Печати или партии, сказали, что нужно учиться у по-

путчиков, что у них богатая техника, у этих „орлов литературы“ в частности указывая на Пильняка. Какой же авторитет Пильняк, этот юродивый от литературы, правда, талантливый, но юродивый. И вот тов. Волжский, как школьник приговорительного класса, обрадовался и, закусив удила, пошел по путям Пильняка. Не о том говорила партия, чтобы выкрадывать у Пильняка или у других литераторов порнографические моменты, а о той технике, об умении писать, умении передавать жизнь. Этого тов. Волжский не сумел сделать, и, поэтому, я здесь перед лицом собравшихся литераторов говорю: мы должны в конце-концов понять, что если мы хотим когда-нибудь быть писателями, то это вовсе не значит, что мы должны непременно брать самые гнусные, самые пошлые слова и пускать их в литературу.

Артем Вселый сказал: „книги тов. Волжского расходятся в 50 тыс экземпляров в 2—3 месяца“. Почему это? Потому что на 9-м году революции еще не выродились те типы, о которых говорил здесь товарищ которые покупали порнографические открытки парижского жанра и стояли за ними в очереди. Их еще много и поэтому тираж этих книг будет еще обеспечен.

Но потому, что тираж будет обеспечен, мы, пролетарские писатели советского быта и советской России должны вычеркнуть из своего обихода эти слова. И прав был тов. Мороз в „Правде“, когда он возмущался этим произведением. Надо сказать тов. Волжскому, чтобы он раз навсегда отказался от этих слов, от этих нецензурных слов, — выражаясь по старому.

Тов. Деев Хомяковский. Слово предоставляется тов. Аравскому.

Тов. Аравский. Товарищи, в сущности после выступления тов. Межеричера мне нечего сказать. Я хочу только сказать, что наиболее четко и правильно поставил вопрос тов. Межеричер, который стал рас-

смагивать не порнографию, а употребление всех нецензурных слов, как некоторое явление, которое начинает появляться у нас в литературе. И он прав, вот почему.

Тов. Межеричер говорил о периоде, который наступил после 1905 года, когда наступила реакция, и когда писателю не о чем было говорить. Что же делали писатели? Они кинулись на порнографию, на ту вещь, которая наиболее легко дается и которая будет наиболее ходкой. Они пустились на дешевые приемы и стали бить на самые дешевые чувства...

В области приемов в литературе это провел т. Волжский. Все молодые писатели, когда у них не хватает краски, когда у них не хватает художественных приемов, употребляют наиболее грубые слова и думают, что вещь написана хорошо.

Артем Веселый говорил здесь, что это возможно допустить в литературе, потому что крестьянство употребляет эти слова. Товарищи, а мы знаем, что искусство есть особое освещение и представление. Яркого представления у Волжского нет. Когда Артем Веселый говорит здесь, „мы должны пойти в деревню, должны учиться у русского народа,“ то это самое дурное, неп. одуманное народничество, которое существовало 50 лет тому назад когда опрощались, когда шли в народ. Необходимо использовать ту силу, которая имеется в этом грунте. А мы что делаем, — мы впадаем в своеобразное эсеровское недомыслие.

Тов. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Замойскому.

Тов. Замойский. Товарищи, я хочу коснуться слов товарища Шильдкредта. Он сказал: „Произведения тов. Волжского читают только потому, что есть еще люди, которые из-под полы покупали раньше разные порнографические карточки“. Но ведь произведения тов. Волжского тиражом расходятся в 50 тысяч и главным образом рассчитаны на массового

крестьянского читателя. Неужели крестьяне любят порнографию?

Теперь тов. Веселый говорил здесь о „русском языке“ и о том, что мы должны им пользоваться в полной мере. Это, конечно, верно. Но разве нужно им пользоваться в таком виде, как это делают некоторые писатели, допуская открытую и скрытую похабщину?

Русский язык действительно, самый богатейший во всем мире. Он до того гибок, что им можно выразить всяческую мысль и всяческий образ, совершенно отбрасывая различные грубые выражения. Один оратор здесь договорился до того, что мол: „порнографию допускают именно те писатели, которым не хватает соответствующих для выражений своей мысли красок“. Это неверно. Ведь тогда можно сказать, что порнографией пользуются еще и те писатели, у которых избыток этих самых красок.

Мы знаем, есть две порнографии — одна остро-режущая слух, и вторая — в скрытой форме. Как будто выхода для писателя нет? Кругом и всюду порнография. Это ерунда сплошная.

Товарищ Свирский говорил здесь о скрытой порнографии — он имел в виду лишь интеллигентного читателя и совершенно не коснулся читателя массовика, рабочего и крестьянина. Вот, как они то воспримут из литературных произведений порнографию? Да и вообще из ораторов мало кто касался массового читателя, а надо сказать, что мы, писатели иногда забываем о нашем читателе. Мы не советуемся с ним, а зачастую даже не сознаем задач нашего творчества.

Очень многие пишут только для себя или для „избранной публики“, а на массовика рукой машут. „Толпа“ — мол. Они и думать не хотят о том, что литература должна выполнять воспитательную роль, что посредством художественно — обоснованных образов, литература внедряет в сознание читателей те

мысли и те идеи, которые заложены в художественном произведении, как базовая установка.

Хорошо здесь сказала тов. Писарева, подметив то, как воспримет неподготовленный деревенский читатель такие выражения в литературе. Мы знаем, что печатное слово деревня ценит и ему верит. То, что напечатано, значит, вполне допустимо и разрешено. Но что получится, если с одной стороны наши общественно-культурные силы говорят о перевоспитании масс, о недопустимости матерщины, а с другой стороны мы в литературе под разными соусами будем преподносить во всех склонениях „мат“.

Я, товарищи, кроме писателей еще бросаю огромное обвинение нашим редакторам и критикам. Нужно признаться, что достаточно чутких и вдумчивых редакторов и критиков у нас еще нет. Они еще не выполняют ту воспитательную задачу, которую им надлежит выполнять.

В заключение скажу:—товарищи по перу, бережней и добросовестней относитесь к русскому языку. На писателе лежит огромная ответственность за читателя и мы это должны твердо помнить.

Тов. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Горшкову.

Тов. Горшков. Непонятно, почему нельзя говорить о том, что написано т. Волжским.

Вот если бы Волжский сказал о половых органах человека, то это была бы порнография. А тов. Мороз обижается. По-моему, надо обижаться на барана, а не на товарища Волжского.. Странно было, бы если бы он не назвал все предметы их собственными именами.

Тов. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется т. Луначарской.

Тов. Луначарская. Мы вели здесь интересную дискуссию относительно порнографии и все говорили, что порнография вещь относительная. Но вот в чем вопрос, в какой мере это касается тов. Волжского,

и кто собственно говоря, обвиняет его в порнографии. Мне кажется, что мы делаем маленькую ошибку. Даже слово порнография в переводе на русский язык означает—я пишу секретную вещь. Тов. Волжский решительно никаких секретных вещей не описывает.

Он описывает вещи чрезвычайно явные, бывшие у нас в России. Собственно говоря, я не понимаю, в чем он виновен и почему он должен чувствовать себя не очень приятно, потому что он сидит здесь в качестве обвиняемого.

Вот здесь говорили относительно порнографии и советовали тов. Волжскому не идти по этому страшному пути, принимая его за молодого писателя, тогда как он не молодой писатель, а написал уже много зрелых вещей, которые теперь будут переведены на иностранные языки. Все это в конце концов, несмотря на интересность вечера пахнет каким-то недоразумением.

После того, как появилась заметка в „Правде“ меня очень заинтересовало, что же написал пролетарский писатель, что его называют такой страшной вещью, как пошляк литературы, в то время, как у нас действительно много таких людей, как, например, Пильняк и др. Я познакомилась с его вещью и увидела, что матерщины у него допускается очень мало. Матерщинные слова, вложенные в уста царского офицера, не только не имеют для публики отрицательного значения, но помогают ей считать эти слова натуральными. Они имеют огромное воспитательное значение, потому что вы знаете, когда мы слышим истину, произнесенную белогвардейцем, то она становится нам психологически отвратительной, потому что она произнесена врагом, и поэтому те слова, которые употребил тов. Волжский в своем произведении не становятся отвратительными в том сочетании, в котором они имеются в его произведении. В этом отношении тов. Волжский был художником и когда я читала его вещь, я вся горела негодованием

от того оскорбления, которое наносилось солдатам. Когда солдаты вспомнят, как произносились эти слова, чем они сопровождались, он почувствует глубокую ненависть к тому строю, который изображает тов. Волжский. Мне кажется крестьянка тов. Писарева, которая произнесла очень благородную речь, не права, говоря, что дети будут учиться этим словам из литературы. Наоборот, в той враждебной ситуации, в которой они употреблены у тов. Волжского, они получают известное впечатление. Не нужно бояться в литературе брать вещи, как они есть, они должны быть выражены будучи отвратительными по существу очень ярко без всякого лицемерия и без всяких пре- крас. Вопрос заключается только в том, насколько эти вещи начинают терять художественную ценность. В этом отношении, что касается т. Волжского, то он был настоящим художником, и то впечатление, которое он хотел произвести на читателя, произвел в полной мере.

Тов. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется французскому писателю тов. Ля-Кост.

Тов. Ля-Кост. На месте тов. Волжского я не сидел бы с несчастным видом, а радовался бы тому что поднятой шумихой создал себе известность. Происхождение слова порнография—французское. Я не могу сказать, что во Франции была установлена разница между порнографией и реализмом. Порнография—это яд, это змея, которая проникает во все изгибы мысли и отравляет своим ядом. Возьмем, например новеллы 17-го века, Боккаччио. И всякий раз, когда выходит настоящее реалистическое произведение, кричат, что это порнография, но со временем, когда мы начинаем изучать эти произведения, всматриваемся в них внимательно, мы видим, что это настоящая жизнь, отражение жизни, а не порнография.

Не автор делает порнографию в стране, а настоящие реалисты. Вот как мы различаем во Франции стиль порнографический от просто реалистического,

и вот почему, потому что я знаю о произведениях тов. Волжского—я не могу сказать, что это именно стиль порнографический.

Реализм—название вещей своими именами, был необходим, чтоб народ понял язык писателя, потому что народ не находится на такой высоте, когда он мог бы понимать различные намеки. В России мы стремимся к самому широкому развитию масс, к их воспитанию. Понятно, что среди рабочих и крестьянства, которое только что отошло от своей земли, очень часто слово грубое обозначает слово понятное, ясное выражение, которое сразу дает определенное понятие. Слово не должно быть провинциальным, а должно быть на сколько возможно интернационализированным и можно посоветовать т. Волжскому только одно: более точно выражать то, что он хотел сказать, подлинными словами.

Тов. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Глебову.

Тов. Глебов. Товарищи! Мне кажется, что нужно судить не тов. Волжского, а новое течение в литературе. И мне, как низовому крестьянскому писателю больно слушать подобные выражения в нашей литературе. Я избач и каждый день сталкиваюсь с интересами крестьянства. Я читал Крептюкова „Попы и подпопики“ и мужики отплевывались от этого произведения. Это подлинное мнение крестьян. Виноват ли тут тов. Волжский. Безусловно, нет. Каждую вещь мы должны называть простым именем, но, безусловно, не так, как она есть на самом деле. Тов. Волжский в этом не виноват. Нужно обвинять новое течение в нашей литературе.

Тов. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Чудновскому.

Тов. Чудновский. Крестьянская писательница Писарева, конечно, права со своей точки зрения, когда она говорила, что «Вы нам не давайте похабщины и матерщины». Но посмотрим, похаб-

щина это или нет... Я считаю, что ничего похабного здесь нет, так как эти слова произносятся устами царского офицера.

Тов. Писарева говорит, что наши крестьянские дети будут говорить своим родителям: „Вот, мамка, об этом в книжках говорится, а почему нам нельзя употреблять их“. Мне кажется, это не так. Если крестьяне прочитают это произведение, они вовсе не обратят внимания на эти слова, а почувствуют сильную ненависть к старому режиму, к тем условиям, в которых жил прежний солдат.

Тов. Деев-Хомяковский. Слово предоставляется тов. Ге.

Ге. Товарищи, вы видите, что аудитория разделилась на два лагеря. Те—кто живет в городе, они защищают т. Волжского, а крестьяне осудили его. А ведь т. Волжский, писал для крестьян. Я полагаю, что тов. Волжский, как крестьянский писатель, писал для крестьян.

Крестьяне здесь сказали свое веское слово. И крестьяне поставили крест на его бранной литературе и я, думаю, что т. Волжский писать больше так не будет.

Деев-Хомяковский. Тов. Волжский имеет последнее слово.

Волжский. Дорогие товарищи! Я удивлен. Мне уже ничего не остается сказать.

Я только скажу, что семь лет я был на военной службе и видел один мордобой и матершину. Я был в тифлисском полку, где из солдата выбивали его сознательность и самостоятельность и делали его манекеном, бездушной машиной, которая должна была повиноваться.

Этот сплошной мордобой, кровавой полосой встал перед моими глазами, так как все это я испытал на своей шкуре и после всего этого, я и написал свою повесть. Я написал ее давно и очень долго думал прежде, чем написать эти слова. Я написал их не для

того, чтобы их считали порнографией, а для того, чтобы крестьянин, который прочитает их, оскорбился бы за солдата. Я хотел вывести яркий тип, произвести сильное впечатление на читателя. Я виновен может быть в агитации в тенденциозности, но я сгустил краски для того, чтобы показать всю мерзость старого режима.

Ни одного произведения я не даю в печать, пока не прочитаю читателям. Мои читатели крестьяне, и не передовые, а самая малограмотная масса, которой у нас 80%. Я хочу поднять их на ту ступень, когда они смогут понимать великих художников слова и дорастут до понимания Сейфуллиной, Пильняка и т. д., но для этого они должны пройти прежде всего через мои произведения, иначе они не поймут художников. Я читаю свои рассказы в деревне, в рабочих клубах и красноармейцам и когда я читал эту повесть, то я видел на лицах слушателей, что они горели сильным негодованием, я видел, что если бы появился здесь офицер, то они бы его разорвали. После этого я решился отдать свою повесть в печать. Я писал эту повесть не теперь. Я считал, что повесть нужно написать, она полезна.

Может быть, меня можно обвинить в нехудожественности, но обвинять меня в пошлости и порнографии — нельзя. Когда я прочитал в газете заметку т. Мороза, мне стало обидно. „Правда“, у которой я учусь, которая для меня высоко стоит, бросила мне обвинение в пошлости, мне стало обидно за то, что она хвалит Сейфуллину, Пильняка и других и я обратился к общественному мнению, к товарищам по работе и печати. Скажите — пошляк я или нет? Если я пошляк, тогда я брошу писать и займусь более полезной работой!

Со стороны крестьянского читателя я знаю, что это полезная вещь, и мне важно знать мнение суда. Мои произведения издаются в Госиздате. Когда же я дал отрывок этой повести в „Рабочую Москву“ ни

один рабочий не возмутился этими словами. Из „Рабочей Москвы“ эту вещь перепечатала газета „Красный Воин“. Красноармейцы читали и сжимали кулаки с ненавистью к старому, а молодые говорили: „Хорошо, что мы не живем в это проклятое время, а при Советской власти“. Вот, что мне нужно было сказать, и я видел, что я этого достиг. Когда же я увидел, что газеты провинции перепечатывают мой рассказ, то я удивлялся, почему Госиздат маринует мою книгу.

Я считал себя правым, и, когда появилась заметка в „Правде“, я просил назначить суд. Виновным себя не считаю ни в пошлости, ни в порнографии. Считаю, что мое произведение полезно для крестьян.

Деев-Хомяковский. Подводя итоги заслушанных здесь, на этом первом литературном суде речей, я должен констатировать, что вопрос о порнографии в литературе, есть глубоко общественный и своевременный вопрос. Разнузданность старого дореволюционного общества врывается широкой волной в нашу революционность, в наш революционный быт и своим гниющим заражает молодые побеги идеологически неокрепшего революционного молодняка. Контрреволюция всех видов оружия делает нападки на наиболее слабый фронт, на наиболее опасный для пролетарской революции участок. Все подлинно пролетарские силы в литературе, в искусстве должны глубоко задуматься над этим.

Голоса и подголоски буржуазной идеологии идут под различными масками и, общественно-пролетарский голос должен в этом отношении сделать предупреждение тем хозяйственникам, которые печатают литературу для рабочих и крестьян.

Мы делаем первый опыт, как молодая профессиональная единица писателей Москвы и как производственники, рабочие должны со всей строгостью отнестись к той выработке, которую делают наши писатели члены союза.

Объявляю перерыв для обсуждения резолюции по делу Волжского.

Суд удаляется на совещание.

Приговор.

1925 года 17 ноября. Литературный суд в составе Председателя т. Деева-Хомяковского и членов суда т.т. Межеричер, Шильдкредта, Роги, Овалова, Хвощенко, Филимонова, Дальнего и Свирского при секретарях т. Новокшинове и Соболевском, заслушав обвинительное заключение конфликтной комиссии месткома писателей, речи общественного обвинителя тов. Львова-Марсианина, общественного защитника т. Замойского и целый ряд т.т. из присутствующих на суде,—постановил:

1. Признать, что обвинение, выдвинутое тов. Мороз против тов. Волжского в своей статье „Пошляки литературы“, помещенной в газете „Правда“ № 245 от 23/X с. г. в пошлости и порнографии—опровергается всей сущностью творчества т. Волжского, в силу чего обвинение т. Волжского в пошлости и порнографии отпадает, но в то же время суд, на основании многочисленных заявлений товарищей, выступавших в прениях, признает излишним, с художественной точки зрения, и вредным, с точки зрения воспитания рабоче-крестьянского читателя употребление в советской литературе непристойных слов, идущих в основе из некультурного быта.

2. На основании вышеизложенного, суд считает необходимым сделать т. Волжскому предупреждение о том, чтобы он не допускал случайных для него отдельных, так называемых нецензурных слов, в своих произведениях.

3. Принимая во внимание широкое общественное значение этого вопроса, суд считает необходимым

самым решительным образом осудить применение в советской литературе подобных „художественных приемов“ (в кавычках), хотя бы это и не являлось „порнографией“ в точном смысле этого слова. Вместе с тем, суд обращает внимание пролетарско-крестьянского общественного мнения на ряд признаков, свидетельствующих о том, что в среде советской литературы имеются и подлинно порнографические произведения, развращающие читателя исподволь в задрапированной внешне-безобидной форме. В силу чего, суд считает, что борьба с этими течениями должна лежать на обязанности объединения пролетарских и крестьянских литераторов, в лице месткома писателей.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1926 год
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ**

Крестьянский Литературно-Общественный журнал

„ЖЕРНОВ“

2-й год издания.

Внесшие одновременно полностью подписную плату за журнал получают 2 книги изданий Союза.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА (с доставкой и пересылкой) **ТРИ** рубля в год, 1 руб. 50 коп. на полгода.

ОБЪЯВЛЕНИЯ принимаются по цене: страница (после текста) 200 р., $\frac{1}{2}$ стр.—120 руб., $\frac{1}{4}$ стр.—75 руб. и $\frac{1}{8}$ стр.—40 руб.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ: Москва, Тверской бульвар, 25, „Дом Герцена“, 3-й этаж.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ НОВЫЕ КНИГИ

(ИЗД. ВСЕР. СОЮЗА КРЕСТ. ПИСАТЕЛЕЙ).

„Малиныч“—Сборн. песен крест. поэтов (посвящ. М. И. Калинин) в красочн. обложке, стр. 48. Цена 25 коп.

„Ярче загорись!“—(песни селькоров) в красочн. обложке, 32 стр. Цена 15 коп.

„В помощь сельнору-писателю“—(Как надо писать). Стр. 13. Цена 8 коп.

„Молодель“—Революционно-бытовая драма Г. Деева-Хомяковского. Цена 40 коп.

„Пень-коряга“—Стихи А. Вятч и К. Филимонова. Цена 25 коп.

„Кудель“—Песенник Г. Деев-Хомяковский. Цена 40 коп.

„Последний из могикан“—Стихи Бориса Ковынева. Цена 25 коп.

„Как организовать трудовые коллективы просвещенцев“—Г. Деев-Хомяковский. Цена 25 коп.

Гимн Раб.-крест. милиции (слова А. Вятч, муз. Н. Рославца). Цена 15 коп.

„Хлебнуха“ Звягин А. Цена 25 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Тверской бульв., 25, „Дом Герцена“, Союз Крестьянских Писателей.

Организациям и отделением Союза скидка.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

Цена 25 коп.

14197

0-20

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНЬ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugaic.ru/>

СОУНЬ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>